

Православной Церкви явилась естественным и необходимым выводом”.⁴

С того времени в Москве начинается ряд автокефальных Митрополитов, а для Русской Церкви — замечательный период ее бытия. При жизни современников установления автокефалии в Русской Церкви произошло еще одно очень важное событие — свержение монголо-татарского ига в 1480 году. В результате этого Русь становится единственной в мире православной страной, свободной от иноземного и иноверного притеснения. А в XVI веке завершается процесс консолидации русских Земель вокруг Москвы. Немаловажным фактом в политической истории Русской державы явился брак великого князя Московского Иоанна III с Софьей Палеолог, племянницей последнего византийского императора Константина XI Палеолога (+1453). В это время на государственной печати появляется изображение византийского двуглавого орла. Россия становится наследницей Византийской империи.

В 1547 году, 16 января, Всероссийский Митрополит Макарий (+1563; пам. 30 дек.) венчал Московского князя Иоанна IV царским венцом.⁵ Это было событие большой политической важности, укрепившее авторитет государя внутри страны и возвысившее его значение в Православном мире как опоры и защиты от неверных. Царское венчание было чрезвычайным и по той причине, что до сих пор подобные венчания совершались либо в Риме, либо в Новом Риме, т.е. в Константинополе. Кроме того, возложение царской короны или венчание на царство совершалось либо Папой, либо Патриархом. В Москве же венчание было совершено главой Церкви в сане Митрополита. Рассматривая динамику развития последующих событий, следует отметить происшедшее, таким образом, нарушение гармонии власти. Русское государство теперь возглавляется царем, а Церковь по-прежнему — Митрополитом.

Несомненно, в русском сознании вставал вопрос о возглавлении Церкви Патриархом. Можно думать, что отзвуком этих чаяний явился церковный Собор 1564 года, созванный вскоре после кончины Митрополита Макария. На этом Соборе Московскому Предстоятелю было усвоено право носить белый клобук, как у Новгородского архиепископа, и скреплять грамоты печатями из красного воска, подобно Казанскому архиепископу⁶. Поставленный несколько позднее Митрополит Афанасий (1564–1566) был впервые почтен этими знаком

отличия. Избрание же первого Всероссийского патриарха было совершено при царе Феодоре Иоанновиче (1584–1598) в 1589 году.

Исторический процесс развития русского Православия на пути к Патриаршеству получил у современников должное осмысление. В древнерусской письменности было распространено описание взятия турками Царьграда.⁷ Наряду с официальным памятником был известен переводной труд “Рыдание о взятии великого города”, написанный диаконом Иоанном Евгеником, братом Ефесского митрополита Марка. Это произведение может быть отнесено к числу тех, в которых проводилась идея “Москва — Третий Рим”. Падение Константинополя (“Уже нет ногого Рима”, — писал Евгений), считавшееся “возмездием за вероотступничество его граждан, в представлении сторонников этой идеи, передало славу древнего Рима Москве”.⁸ Проанализировав некоторые памятники литературы XV века, светский историк А.Д. Гольдберг пишет, что речь в них “шла не о приравнивании России к другим христианским странам (и, прежде всего, к многовековому оплоту Православной Церкви — Византии), а о противопоставлении Руси павшей греческой державе, равно как и о противопоставлении Московской Митрополии Константинопольской Патриархии, утратившей, по мнению большинства русского духовенства, свои иерархические права”.⁹ Современный исследователь, характеризуя утвержденную Собором и продолженную в конце XV века православную Пасхалию, пишет: “Важным в новой Пасхалии 1492 года является и то, что Иоанн III был назван там государем и самодержцем всея Руси, новым царем Константином новому граду Константина — Москве... Этим подчеркивалось, что Русь и здесь считает себя преемницей Византии. Все это имело огромное психологическое и общественно-политическое значение. С восьмым тысячелетием от “сотворения мира” и началом новой Пасхалии в сознании современников этих событий возобладали мысль о том, что Руси суждено не погибнуть, а расти, множиться и стать достойной главой восточнохристианского мира. Время, которое, казалось, было готово вместе с небесами “свиться, как свиток”, вновь распрямляет свой бег, и идея “третьего Рима” уже носится в воздухе, очистившемся от сумрачных предчувствий конца”.¹⁰

В литературном памятнике, связанном с Великим Новгородом и с именем архиепископа Геннадия

(1484–1584; †1505; пам. 4 дек.), читаем: “Так же, как от Рима благодать и слава и честь были отняты, так и от Царствующего града благодать Святого Духа в годы мусульманского плена и все святыни будут переданы Богом великой Русской земле. Царя же русского возвеличит Господь над всеми народами, и под власть его подпадут многие из царей иноплеменных. Патриарший чин также будет передан Русской земле в свое время из этого царствующего града. И прозовется страна та озаренною светом Россией, ибо Бог пожелал подобным благословением прославить Русскую землю, наполнить величием Православия и сделать ее честнейшей из всех и высшей всех прежних”.¹¹

Более полно мысль о преемственности Руси в ряду христианских государств была сформулирована в посланиях писателя-богослова XVI века старца Филофея, монаха псковского Спасо-Елеазаровского монастыря.¹² В послании Московскому Великому Князю Василию III (1505–1533) он писал: “Стараго убо Рима Церкви падеся неверием аполинариевы ереси, Второго Рима, Константинова града Церкви, агаряне внуцы секирами и оскордъми разсекоша двери. Сиа же ныне триаго, новаго Рима, дръжавнаго твоего царствия Святая Соборная апостольская Церкви, иже в концых вселенныя в православной христианстей вере во всей поднебесней паче солнца светится”.¹³ И ниже иннок-мыслитель подчеркивает: “... яко вся царства православныя христианская веры снисдошася в твое едино царство”.¹⁴ К этой мысли он возвращается опять в конце послания: “Да аще добро устроиши свое царство — будеши сын света и гражданин Вышняго Иерусалима, якоже выше писах ти и ныне глаголю: блюди и внемли, благочестивый царю, яко вся христианская цръства снисдошася в твое едино, яко два Рима падоша, а третьей стоит, а четвертому не быти”.¹⁵ Старец Филофей хорошо был знаком с “Рыданием” о падении Константинополя диакона Иоанна Евгеника, как показал Н.А. Мещерский.¹⁶ В его посланиях наблюдается текстологическое влияние этого труда. По мнению Н.М. Золотухиной, старец “Филофей понял основное направление исторического развития русской государственности, сумел обобщить то, что волновало всех”.¹⁷

Современен посланиям старца Филофея Хронограф — памятник исторической мысли XVI века, созданный в Иосифо-Волоцком монастыре иноком Досифеем. Центральная мысль Хронографа, как бы резюмирующая все изложение хода всемирно-исторического процесса, изложена в заключительной части произведения (“плач о падении Царьграда”). Она сведена к тому, что Византия пала потому, что Бог наказал греков за грехи, и, прежде всего, за утрату правоверия. “Наша же Российская земля, — продолжает автор Хронографа 1512 г., — Божиею милостию... растет и младает, и возвышается, ей же, Христе милостивый, дажь расти, и младаети, и разширятся и до скончания века”.¹⁸ В первой половине XVI века интенсивно работает литературно-общественная мысль, обосновывается древность и родовитость Московских государей.¹⁹

Прославляя покорение Казани в 1552 году, один из авторов вспоминает освобождение Руси от монголо-татарского ига в 1480 году и говорит: “И воссиял ныне стольный и прославленный город Москва, словно второй Киев, не посрамлось же и не провинюсь, если скажу, — как третий новый великий Рим, воссиявший в последние годы, как великое солнце, в великой нашей Русской земле, во всех городах и во всех людях страны этой, красуясь и просветляясь святыми Божьими церквами, деревянными и каменными, словно видимое небо, красуясь и светясь, пестрыми звездами и незыблемым Православием украшенное, Христовою верою укрепленное и непоколеблемое злыми еретиками, возмущающими Церковь Божию”.²⁰ Другой современник — знаменитый писатель Древней Руси середины XVI века псковский священник Василий (в иночестве — Варлаам), в предисловии к житию преподобного Саввы Крыпецкого осмысливая историю Православия на Руси. Духовным подъемом, по его мнению, отличается современная ему эпоха Макариевских Соборов 1547 — 1549 годов. Он пишет о Русской Церкви: “Якоже некое светило сияет на свещнице Русская земля Православием и верою правою, и учением Божественных Апостол писанием — во всей вселенной, якоже вторый великий Рим и Царствующий град. Тамо бо вера православная испроказися махметовою прелестию от безбожных турок, где же в Рустей земли паче просия Святых Отец наших учением”.²¹

Таким образом, идея третьего Рима еще более подчеркивает мысль о богоизбранности государственной власти на Руси. Наряду с идеей “Москва — третий Рим” в русском церковном сознании жило представление о Москве как о Иерусалиме и о русском народе как о Новом Израиле. Это представление нашло отражение в литературе XV–XVI веков.²² Такую мысль высказывает в своем послании Митрополит Макарий к царю Иоанну IV, шедшему с войском для покорения Казани.²³ Она же нашла отражение на иконе из макарьевской мастерской, написанной по случаю Казанской победы.²⁴ По мнению исследователя русской архитектуры М.А. Ильина, эта идея выражена в архитектуре Покровского собора (храма Василия Блаженного), освященного митрополитом Макарием. Собор был построен как памятник побед над Казанью. М. А. Ильин пишет: “Научное развитие русской политической мысли и духовной культуры XVI века дает возможность утверждать, что страна ждала лишь удобного случая, чтобы воплотить в соответствующем произведении волновавшие русских людей мысли и чувства. В этом мыслившемся произведении должны были одновременно найти себе место и горделивые чувства, рожденные силой и славой нового Московского государства, и представление о Москве как мировом центре — “Новом Иерусалиме”, несущем спасение Православному миру, и воплощение самых светлых, самых радостных образов и форм, отображавших художественные идеалы того времени”.²⁵ Ниже он продолжает: “Новый храм не только отмечал память о величайшем событии в жизни Московского государства, он соединял в себе ряд совершенно новых представлений. Новый собор должен был стать храмом прославления победы Московской Руси над татарами, он должен увековечить память о погибших “за други своя” под стенами Казани и, наконец, собор знаменовал одновременно высшую награду “в Царствии Небесном”, которую должны были получить, по

учению Церкви, убитые, и воплощал представление о Москве как о “Новом Иерусалиме”. Задача сложная и трудная, так как за исключением храма Софии в Константинополе к тому времени не было ни одного памятника, перед которым была бы поставлена подобная цель. Собор же святого Петра в Риме, претендующий на подобное значение, находился в то время, еще в процессе сооружения”.²⁶ Говоря об архитектурном первообразе при строительстве, М. Ильин справедливо отмечает: “Мысль воспроизвести город Иерусалим в одном здании вовсе не означала, что за основу будет взят реально существующий Иерусалим. Вопрос становился значительно сложнее: дело шло о воспроизведении “Горнего Иерусалима”, куда, по воззрениям того времени, должны были попасть после смерти души тех, которые сложили свои головы при взятии Казани”.²⁷

Стремление воспроизвести в архитектурном отношении Иерусалимский храм Воскресения было присуще Московской Руси. Осуществить эту идею стремился впоследствии Борис Годунов, принимавший участие в учреждении Патриаршества на Руси.²⁸ Наиболее близко подошел к осуществлению этого замысла в XVII веке Патриарх Никон.²⁹

В историческо-богословских памятниках XVI века говорится о покровительстве Богоматери Русской Земле и о Ее заступлении русского народа в тяжелых обстоятельствах. Особенно ярко об этом говорится в Повести о Владимирской иконе Богоматери, входящей в состав Степенной книги.³⁰ “Повесть изображает русских князей продолжателями дела Греческих императоров: рисуя Москву как первый центр христианского наследия Иерусалима, Рима-Константинополя, Киева и Владимира... Россия названа “Новым Израилем” — излюбленным эпитетом Византийской империи, в то время как Тамерлан является вторым Сеннахиримом или же Юлианом Отступником”.³¹ Авторы различных произведений постоянно обращаются к молитвенному предстательству

Московских чудотворцев Петра, Алексия и Ионы, свидетельствуют об их покровительстве Русской земле.³² Таковы были обстоятельства, предпосылки на пути Русской Церкви к учреждению Патриаршества.

В византийском памятнике канонического права говорится о Патриархе: "Патриарх есть живой и одушевленный образ Христа, делами и словами в себе самом живописующий истину".³³ Ниже говорится о его обязанностях: "Цель у Патриарха состоит в том, чтобы спа-

сать вверенные ему души, жить во Христе и распинаться миру. Патриарху свойственно: быть учительным, ко всем относиться одинаково, как к высоким, так и смиренным, быть кротким по отношению к занимающимся учением, а по отношению к непокоряющимся быть обличительным, а за истину и в защиту догматов и о соблюдении правды и благочестия говорить пред царями и не стыдиться. Величайшие и необходимейшие части государства, составляемого, подобно

человеку, из частей и частиц, — суть Царь и Патриарх; посему мир и счастье подчиненных и по душе, и по телу заключается в единомыслии и согласии во всем власти царской и патриаршей".³⁴

В XVI веке русский царь являлся единственной надеждой и упованием Восточных Патриархатов. "Русские государи уже носили титул царя, т.е. императора, и заняли в православном мире то самое положение, какое занимали прежде императоры

Византии; очень естественно было желать, чтобы и при Русских государях по примеру Византийских, во главе церковного управления находились Первосвятители самого высшего духовного сана".³⁵ В XVI веке по сравнению с предшествующим временем становятся еще более интенсивными связи России и Востока. В 1586 году впервые в истории в Москву прибыл Антиохийский Патриарх Иоаким VI (1586–1587). Пред ним был впервые официально

поставлен вопрос о посвящении в Москве первого Всероссийского Патриарха.

Но промыслительным образом поставление первого Патриарха совершил Константинопольский Патриарх Иеремия II (1597–1594). Летописец XVII века так повествует об этом: "Лета 7096-го прииде Патриарх Иеросалимский (!) Иеремей из Еросалима и поставил с Московскими архиепископы и епископы на Москве первого Патриарха Иова, иже был в Митрополитах. Царь же Феодор Иванович по

благословению Иеросалимского Патриарха Иеремея повеле Патриарху Иову благословити по городам митрополиты и архиепископы".³⁶ Таким образом, одновременно с возвышением первосвятительской кафедры произошло возвышение и других архиерейских кафедр в Русской Церкви.³⁷ Один исследователь так характеризует обстоятельства учреждения Патриаршества: "В соответствие величию и благосостоянию царства, государь, чувствовал в

Святитель Иов, патриарх Московский и всея Руси

своей совести побуждение украсить и Церковь, возмечив ея иерархию. Это чувство подобно тому, какое испытал Давид, когда живя в кедровом доме, пожелал создать величественный дом и своему Господу".³⁸ В Патриаршей грамоте об учреждении Патриаршества на Руси говорится о причине его установления: "В почесть святые привеликие соборные церкви Пречистые Богородицы, честнаго и славного ея Успения, и первопрестольников великих чудотворцев Петра и Алексея и Ионы".³⁹ При этом подчеркивалось, что "великое Российское царство, третий Рим, превзошло всех благочестием".⁴⁰ Позднее деяние Патриарха Иеремии было утверждено Собором в Константинополе.⁴¹

С учреждением Патриаршества на Руси была восстановлена гармония диархии власти государства и Церкви. Митрополит Макарий (Булгаков) следующим образом характеризует это событие в истории Русской Церкви: "Патриаршество возвысило самого Русского Первосвятителя и Русскую Церковь пред лицом всего христианства. Он взошел на такую ступень, выше которой нет в православной церковной иерархии".⁴²

Всероссийские Патриархи явились выдающимися церковными деятелями и светильниками на Первосвятительском престоле.⁴³ Первые два Патриарха Иов (1589–1605)⁴⁴ и Ермоген (1606–1611)⁴⁵ управляли Церковью в Смутное время и явили себя миротворцами и патриотами русской страны и ее страдальцами. В последующее время Патриарх Филарет (1619–1633) способствовал возрождению русской государственности и национального духа.⁴⁶ Патриархи Иоасаф (1634–1640)⁴⁷ и Иосиф (1642–1652)⁴⁸ продолжали положенное начало, развивали книгопечатание в Церкви. Святейший Патриарх

Никон (1652–1658) был ревнителем возрождения сакральной значимости церковной власти, исправителем церковных нестроений, собирателем духовных ценностей.⁴⁹ Его преемником был Патриарх Иоасаф II (1667–1672).⁵⁰ После недолгого возглавления Русской Церкви Патриархом Питиримом (1672–1673)⁵¹ был поставлен Патриарх Иоаким (1674–1690).⁵² При нем зарождается школьное образование на Руси, достигает расцвета печатная деятельность в Церкви, с Московским Патриархатом воссоединяется Киевская Митрополия. Завершает лик Московских первосвятителей Святейший патриарх Адриан (1690–1700).⁵³

Патриарший период знаменовал собою новый этап в истории Русской Церкви. Учреждение Патриаршества на Руси было связано с внешними обстоятельствами, когда восточные Патриархаты оказались в тяжелых условиях иноверного ига. Одновременно учреждение Патриаршества на Руси явилось показателем ее возросшей мощи и авторитета. Современники видели в этом преемственность по отношению к Византии и промыслительность Божьего действия к Руси. Патриаршество и весь предшествовавший исторический процесс получил должное осмысление в произведениях русских церковных писателей, богословов и мыслителей. Святейшие Патриархи Московские и всея Руси явились возглавителями Русской Церкви, пастырями и учителями, церковными деятелями, просветителями и патриотами.

Сн
 Миренныиъ ещъ, бжїею млпїю па
 прїахъ мо еко ескїи рсеа рш еїн:~

Автограф святителя Иова, Патриарха Московского и всея Руси

Примечания

1 См. о нем: *Макарий, митрополит Московский. История Русской Церкви в период монгольский.* М., 1995. Кн. 3. С. 15 — 18; *Голубинский Е.Е. История Русской Церкви.* М., 1900. Т. 2. Ч. 1. С. 50 — 89; *Fuhrmann J.T. Metropolitan Cyrill (1241 — 1281) and the Politics of Accommodation// Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas, NF 1976. Bd. 24. P. 161 — 172.*

2 *Прохоров Г.М. Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы.* Л., 1978. С. 118.

3 *Дьяконов М. Власть Московских государей. Очерки из истории политических идей Древней Руси до конца XVI века.* СПб., 1889. С. 54-57; *Ангелов Б. Руско-южнославянский врезки.* София, 1980. С. 117. В западной литературе личность Митрополита Исидора характеризуется в положительном смысле как большого гуманиста (*Ziegeer A. Die Union des Konzils von Florenz in Russischen Kirche.* Wurzburg, 1938).

4 *Муравьев Н. Падение Константинополя — Русская Православная Церковь в XV-XVI столетиях (К пятисотлетию падения Константинополя) // ЖМП. 1953. № 9. С. 56. О некоторых проблемах церковной истории того времени см.: Hannick Chr. Die Metropoliten von Moskau und Kiev nach dem Konzil von Florenz im Lichte der Metropolitan-Urkunden // Sprache und Literatur in Altrussland (Studia slavica et baltica 8). Munster, 1987. S. 53 — 71.*

5 Полное собрание русских летописей. СПб., 1904. Т. 13.4.1. С. 150 — 151. См. также: *Schaefer H. Moskau — das dritte Rom. Studien zur Geschichte der politischen Theorien in der slawischen Welt.* Darmstadt, 1957. S. 82 — 117.

6 Там же. С. 378 — 380.

7 Последнюю публикацию этого текста см.: *Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века.* М., 1982. С. 216-267. Исследование об этом памятнике литературы см.: *Смирнов Н.А. Историческое значение русской „Повести“ Нестора Искандера о взятии турками Константинополя в 1453 г. // Византийский Временник.* М., 1953. Т. 7. С. 50-71.

8 *Мещерский Н.А. „Рыдание“ Иоанна Евгеника и его древнерусский перевод // Там же. С. 79-80.*

9 *Гольдберг А.Л. К предьстории идеи „Москва — третий Рим“ // Культурное наследие Древней Руси. Истоки, становление, традиции.* М., 1976. С. 114.

10 Цит. по: *Веретенников П., свящ. Святитель Геннадий, архиепископ Новгородский // ЖМП. 1981. №6. С. 71.*

11 *Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века.* М., 1985. С. 225.

12 Франк Кэмпфер, профессор Мюнстерского университета, отождествляет его с Феодором Курицыным (*Kampfer Fr. Autor und Entstehungszeit der Lenre Moskau das dritte Rom // Roma alla terza Roma. IX seminario internazionale di studi storici. Compidoglio, 21 — 22 aprile 1989, L'idea di Roma a Mosca secoli XV — XVI. Relazioni comunicazioni. T. 1. P. 61 — 83.*)

13 *Памятники литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI века.* М., 1984. С. 436.

14 Там же. С. 436. См. также: *Сокольский В. Участие русского духовенства и монашества в развитии единодержавия в Московском государстве в конце XV и первой половине XVI вв. Вера и разум, 1902, № 13, июль. С. 41; Бакалов Г. Роль в византийской ойкименической доктрина в политический живот на Московска Русия (вторая половина на XV — края на XVI в.) // Исторически преглед. София, 1980. Кн. 5. С. 89-90.*

15 *Памятники литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI века.* С. 440. Этой мыслью дословно начинается памятник литературы XVII века, имеющий также название „О зачале царствующего великого града Москвы, како исперва зачася“ (Повести о начале Москвы. Исследование и подготовка текстов М.А. Салминой. М.-Л., 1964. С. 173).

16 *Мещерский Н.А. „Рыдание Иоанна Евгеника...“ С. 84. Один автор, рассматривая идею Москвы как третьего Рима заключает, что таким образом произошло „обособление и самозамыкание Русской Церкви, подмена вселенских традиций — традициями местными“ (*Левицкий С.А. Очерки по истории русской философской и общественной мысли. Франкфурт-на-Майне, 1968.* С. 10).*

17 *Золотухина Н.М. Развитие русской средневековой политико-правовой мысли.* М., 1985, с.59. См. также: *Щебатинский К. Исторический генезис идеи Москвы — третьего Рима в XV в. // Вера и разум. Харьков, 1908. Июль. С. 289 — 300.*

18 *Зимин А.А. Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.).* М., 1972. С. 343.

19 *Гольдберг А.Л. К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // ТОДРЛ. Т. 30: Историческое повествование Древней Руси. Л., 1976. С. 204-216. „Генеологию русских князей, — говорит Д.С. Лихачев, — переводят на латинский язык, явно предназначая для распространения за границей. Ссылками на нее пестрят дипломатические памятники всего XVI в., когда особенно ожесточенной становится борьба с Полоцко-Литовским государством за русские земли“ (*Лихачев Д.С. Культура Руси эпохи образования русского национального государства (конец XIV — начало XVI вв.).* 1946. С. 38).*

20 *Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века.* М., 1985. С. 313; *Древнерусские повести.* Тула, 1987. С. 103 — 104.

21 *Даниил (Доровских), ижеumen. Духовный писатель XVI века Василий Варлаам и его литературное наследие.* Загорск, 1988. С. 161-162 (Машинопись).

22 *Кудрявцев И.М. „Послание на Угру“ Вассиана Рыло как памятник публицистики // Труды Отдела древнерусской литературы. М.-Л., 1951. Т. 8. — С. 169. О взаимосвязи данных представлений отмечается также в статье А.Л. Баталова и Т.Н. Вячаниной: „Идея вселенского значения Руси и ее духовного приоритета, богоизбранничества русского народа и его особой миссии как единственного хранителя Православной веры формируется как „Москва — третий Рим“ и „Москва — второй Иерусалим“ (Об идейном значении и интерпретации и интерпретации Иерусалимского образа в русской архитектуре XVI — XVII вв. // Архитектурное наследие. Русская архитектура. М., 1988. С. 23).*

23 См.: *Kampfer Fr. Die Eroberung von Kasan 1552 als Gegenstand der zeitgenossischen russischen Historiographie // Forschungen zur osteuropaischen Geschichte, Berlin, 1969. Bd. 14. S. 65,77; Donert E. Iwan Grosny „der Schreckliche“. Berlin, 1978. S. 170. В памятнике, созданном в XVII веке, в уста митрополита Петра вкладывается также подобная мысль о Москве: „...и наречеса оей град вторый Иерусалим“ (Повести о начале Москвы. Исследование и подготовка текстов М.А. Салминой. М.-Л., 1964. С. 227 — 228; Русское историческое повествование XVI — XVII веков. М., 1934. С. 155.*

24 См.: *Антонова В.И., Мневя Н.Е. Каталог древнерусской живописи.* М., 1963. Т. 2. С. 128-134.

25 *Ильин М.А. Летопись Московской Руси. Светские основы каменного зодчества XV-XVII вв. М., 1966. С. 49.*

26 Там же. С. 50.

27 Там же. С.52, См. также: *Его же. Русское шатровое зодчество. Памятники середины XVI века. Проблемы и гипотезы, идеи и образы.* М., 1980. С.63 — 74. *Über die theologische und architektonische Konzeption der Vasilij — Blazennyj — Kathedrale in Moskau. Jahrbüher fur Geschichte Osteuropas. 1976. Bd. 24. H. 4. S. 490; Бондаренко И.А. Средства создания архитектурно-художественного единства в Русском государстве XVI века (на примере центрального ансамбля Москвы). М., 1980. С. 12 (Автореферат); *Врунов Н.И. Храм Василия Блаженного в Москве.* М., 1988. С. 224, 236. Интересно, что современные события, преподобный Максим Грек (†1556), выступал против мнения о Москве „как о Иерусалиме“ (См.: *Максим Грек. Сочинения.* Казань, 1862. С. 157).*

28 *Ильин М. Проект перестройки центра Московского Кремля при Борисе Годунове // Сообщения Института истории искусства. М.-Л., 1951. № 1. С. 79-83.*

29 *Лебедев Л., прот. Новый Иерусалим в жизни святейшего Патриарха Никона. К 300-летию со дня кончины — 17 августа 1681 года // ЖМП. 1981. № 1. С. 68 — 78.*

30 ПСРЛ. СПб. 1913. Т. 21.4.2. С. 424 — 440.

31 *Miller D.B. Legends of the icon of our Lady of Viadimir: a study of the development of Moscovite national consciousness // Speculum. 1968. V. 43. P. 460.*

32 См. о них: *Невский А. Жизнеописание Первосвятителей и чудотворцев Всероссийских Петра, Алексия и Филиппа.* М., 1893; *Волянский Н. Созвездие великих ревнителей объединения Руси (Московские святители. Митрополиты Петр, Алексий, Иона и Филипп) // ЖМП. 1945. № 4. С. 11 — 18; Stoke G. Staat und Kirche im Moskauer Rubland. Die vier Wundertäter // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. NF. 1981. Bd. 29. H. 4. S. 481 — 493.*

33 Собрание по алфавитному порядку всех предметов, содержащихся в священных и божественных канонах, составленное и обработанное смиреннейшим иеромонахом Матфеем, или алфавитная Синтагма М.Властара. Перевод с греч. свящ. Н.Ильинского. Изд. 2. Симферополь, 1901. С. 339.

34 Там же. С. 340.

35 *Макарий, митрополит Московский и Коломенский*. История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 6. С. 6 — 7.

36 Полное собрание русских летописей. М., 1968. Т. 31. С. 144; То же. Т. 14. С. 147. См. также: Посольская книга по связям России с Грецией (православными иерархами и монастырями) 1588 — 1594 гг. М., 1988. С. 39 (Ротапринт).

37 Интересно, что в XVI веке в связи с царским венчанием было установлено достоинство среди настоятелей монастырей. В одной рукописи читаем об этом: „Тогда же царь государь дал Троицкому игумену Ионе Сергиева монастыря место под Чудовским архимандритом, а Кирилловскому игумену Афанасию подо Андрониковским архимандритом, а Пафнутиевскому Иосифу под Богоявленским игуменом, а прежде того игумену в местах не бывали“ (Цит. по: *Дмитриева Р.П.* Сказание о князьях Владимирских. М.-Л., 1955. С. 113). См. также: ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 180.

38 [*Соколов П.К.*]. Учреждение Патриаршества в России, в 1589 году // Прибавления к изданию творений святых Отцов в русском переводе. 1859. Ч. 18. С. 298.

39 Собрание государственных грамот и договоров. М., 1819. Ч. 2. С. 96.

40 *Макарий, митрополит Московский и Коломенский*. История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 6. С. 42. См. также: Учреждение Патриаршества в России в 1589 году // Прибавления к изданию творений святых Отцов в русском переводе. М., 1859. Ч. 18. С. 297 — 298.

41 *Порфирий (Успенский), архим.* Деяние Константинопольского собора, 1593 года, которым утверждено Патриаршество в России // ТКДА. 1865. Т. 3. С. 237 — 248. См. также *Фонкич Б.Л.* Греческие грамоты советских хранилищ // *Cyriilomethodienum. Thessaloniki*, 1987. Т. II. P. 9 — 31.

42 *Макарий, митрополит Московский и Коломенский*, история Русской Церкви. Кн. 6. С. 48.

43 *Райский А.* Церковно-политическая деятельность русских Патриархов // Учебно-богословские и церковно-проповеднические опыты студентов Киевской Духовной Академии LXII курса (1909 г.). Киев, 1910. С. 141 — 183.

44 *Гзов К.Д.* Всероссийский Патриарх Иов — первый русский Патриарх // Странник. 1895. № 6-7. С. 177 — 186; *Феофилакт (Моисеев), иером.* Святейший Патриарх Иов и его первосвятительская деятельность. Загорск, 1984 (Машинопись); Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV — XVI вв.). Ч. 1: Л-К. М., 1988. С. 415 — 420.

45 *Скубачевский П., прот.* Гермоген, Патриарх Московский и всея Руси, и его служение Отечеству в Смутное время // Вера и разум, 1912. № 4. С. 443 — 446; № 5. С. 628 — 640; *Вертеловский А.* Патриарх и его заслуги для Отечества. Вера и разум. 1912. № 22. С. 506-526; № 23. С. 696 — 711; № 24. С. 894 — 905; *Затоляев А.* Святытель Ермоген, Патриарх Московский и всея Руси, автор Повести о явлении и чудесах Казанской иконы Пресвятой Богородицы // ЖМП, 1979. № 7. С. 72 — 78; Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV — XVI вв.). Ч. 1: А-К. Л., 1988. С. 153 — 163.

46 *Макарий, митрополит Московский*. История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 6. С. 275 — 314; *Чернышев С.* Царь Михаил Федорович и Патриарх Филарет Никитич Романовы в их взаимных отношениях // ТКДА. 1913. № 7 — 8. С. 374 — 440; *Покровский А.А.* Патриарх Филарет Никитич. М., 1913.

47 *Макарий, митрополит Московский*. История Русской Церкви. Кн. 6. С. 314 — 325.

48 Там же. С. 325-369; Heller W. Die Moskauer „Eiferer für die Frömmigkeit“ zwischen Staat und Kirche (1642 — 1652). Wiesbaden, 1988. S. 149.

49 [*Лаишкарев П.*]. Патриарх Никон. Восшествие Никона на Патриаршество Московское // ТКДА, 1860. Кн. 2. С. 131 — 168; *Михайловский С., свящ.* Святейший Никон, Патриарх Всероссийский // Странник, 1863. № 7-9. С. 15-362; Жизнь Святейшего Никона, Патриарха Всероссийского. М. 1878; *Макарий, митрополит Московский*. Патриарх Никон в деле исправления церковных книг и обрядов // Прибавления к изданию творений святых Отцов. 1882.4.29. С. 1 — 116; *Лебедев Л., прот.* Патриарх Никон. Очерк жизни и деятельности // БТ. М., 1982. Сб. 23. С. 154 — 199; Сб. 24. С. 139 — 170.

50 *Боголюбовский М., прот.* Московская иерархия. Патриархи. М., 1895. С. 29 — 30; *Четыркин Ф.В.* Жизнеописание Святейших Патриархов Московских и всея России; СПб., 1892. С. 78 — 82.

51 *Попов М.Г.* Материалы для истории Патриарха Московского Пигриина. М., 1895.

52 *Гаурилов А.* Литературные труды Патриарха Иоакима // Странник, 1872. 4.1. С. 89 — 112; Жизнь и завещание Святейшего Патриарха Московского Иоакима. СПб., 1879 (ОЛДП, вып. 47); *Смирнов П., свящ.* Иоаким Патриарх Московский. М., 1881; *Дашевский П., свящ.* Церковная деятельность Всероссийского Патриарха Иоакима. Пермь, 1959 (Машинопись).

53 *Скворцов Г.А.* Патриарх Адриан, его жизнь и труды в связи с состоянием Русской Церкви в последнее десятилетие XVII в. Казань, 1913.

Наши ровесники из Бутырки

Вот уже несколько лет священник Павел Вишневский, настоятель московского храма преподобного Феодора Студита, что у Никитских ворот, окормляет заключенных Бутырской тюрьмы. Раз в неделю неопустительно посещает он следственный изолятор, исполняя свой христианский долг, по слову апостола: *Помните узников, как бы и вы с ними были в узак* (Евр. 13,3).

Мы надеемся, что опыт, которым делится с нами о. Павел в публикуемой беседе, окажется небесполезным для тех, кого Господь в будущем сподобит нести нелегкое бремя пастырского служения.

— Сейчас некоторых наших студентов направляют для беседы с заключенными в тюрьму. О чем может говорить студент, не имеющий священного сана?

— Вы знаете, как ни странно это может показаться, но не так важно, кто туда идет — священник, студент или мирянин. Нужно прежде всего иметь открытое сердце, откликающееся на человеческое страдание. Вы должны чувствовать себя так, как будто вы посещаете тяжело больного человека, придя к которому сам не знаешь, как его можно утешить. Не так важно, о чем вы будете разговаривать, — хотя вы встретите там, возможно, ваших ровесников, людей одного с вами возраста. Важно, чтобы эти люди не были вам безразличны.

Я вообще сторонник того, что идти на контакт с заключенными должны люди, которые этого хотят, которые чувствуют себя способными. Если вы студент, то вы можете рассказать о себе, поделиться трудностями... Вот, у вас тяжелая нагрузка, как в армии: длинные уроки, дисциплина; как в армии — землячества... И тогда общение приобретет конкретный смысл, за который можно будет зацепиться.

— А какие трудности приходится испытывать тем, кто с проповедью Слова Божия впервые переступает порог тюрьмы?

— Есть один весьма существенный момент, на который мне хотелось бы обратить ваше внимание. Понятно, что вы не пойдете туда с пустыми руками. Однако если вы знаете, что в камере сидит десять страдальцев, то подарков нужно брать на двадцать человек. Ведь есть еще и охранники. Вы идете не только к заключенным, но и к тем, кто в тюрьме работает, кто этих людей охраняет. А бывает к примеру так: приезжают иностранцы, раздают зекам апельсины, а коридорная говорит: “Этим, которые грабили, убивали, — апельсинчики, а я буду нюхать крошки? В следующий раз не пушу!” Без добрых отношений с администрацией вы вообще ничего не сделаете. От них зависит реальная, конкретная тюремная жизнь, в которой каждая бытовая мелочь сразу становится весомой. Например, нет в камере воды — и администрация решает дать шанг на час, это значит, что заключенные смогут помываться, постирать, или же на пять минут — выпить стаканчик воды и все.